
НАСЛЕДИЕ

Аверьянов К.А.

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГЕРБОВ В РОССИИ

Аверьянов, Константин Александрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, Россия, Москва, histsgeogr@yandex.ru.

Считается, что современный российский герб появился в конце XV в. благодаря браку великого князя Ивана III с византийской принцессой Софьей Палеолог. Выясняется, что за три столетия до его появления на Руси существовала родовая эмблема владими́ро-суздальских князей, следы которой прослеживаются на памятниках архитектуры, искусства, письменности. Она появилась благодаря браку Всеволода Большое Гнездо с Марией Шварновной.

Ключевые слова: герб, родовая эмблема, Всеволод Большое Гнездо, Мария Шварновна, Федоровское евангелие, Лихачевские врата, Георгиевский собор в Юрьеве-Польском.

WHEN DID THE COATS OF ARMS APPEAR IN RUSSIA?

Averyanov, Konstantin Aleksandrovich — Doctor of Science in History, Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation, Moscow, histsgeogr@yandex.ru.

It is believed that the modern Russian coat of arms appeared at the end of the 15th century thanks to the marriage of the Grand Duke Ivan III with the Byzantine Princess Sophia Paleolog. It turns out that three centuries before its appearance in Russia there was a patrimonial emblem of the Vladimir-Suzdal princes, traces of which are traced on the monuments of architecture, art, writing. She appeared thanks to the marriage of Vsevolod the Big Nest with Maria Shvarnovna.

Key words: coat of arms, patrimonial emblem, Vsevolod the Big Nest, Maria Shvarnovna, Fedorov's gospel, Likhachev's gates, St. George's Cathedral in Yuryev-Polsky.

В широком сознании наших соотечественников сложилось убеждение, что двуглавый орел, ставший государственным гербом России, связан с именем племянницы последнего византийского императора Софьи Палеолог, вышедшей замуж за московского великого князя Ивана III. Действительно, он впервые появился на печати последнего, в 1497 г. скрепившей его жалованную грамоту волоцкому князю Федору Борисовичу и его брату русскому князю Ивану Борисовичу.

Начиная с XVIII в. историки полагали, что этот герб был заимствован великим князем из Византии, после того как Иван III в 1472 г. вступил в брак с Софьей. Правда, в начале XX в. Н.П. Лихачев подверг сомнению эту гипотезу. Главным доводом стало то, что прошла целая четверть века со времени брака Ивана III до помещения орла на русскую печать. Позднее целый ряд ученых подтвердил правоту исследователя, найдя доказательства, что знаком власти в Византии двуглавый орел никогда не являлся. Скорее всего, великий князь, стремясь возвысить свой авторитет, использовал эту эмблему

в подражание гербу императора Священной Римской империи, где двуглавый орел олицетворял верховную власть (в Австрии на государственном гербе долгое время был изображен двуглавый орел)¹.

Но если история современного российского герба изучена относительно неплохо, то простой вопрос — неужели до Ивана III на Руси не существовало гербов? — повисает в воздухе. В старой литературе по геральдике сложилось мнение, что в отличие от Западной Европы, где древнейшие гербы известны примерно с 1000 г., в России они возникли чрезвычайно поздно. При этом обычно ссылались на то, что массовое создание городских гербов в России относится лишь к эпохе Екатерины II, а в качестве основного довода выдвигался сугубо юридический подход: гербом называются символы, утвержденные официальной властью².

В данном случае действительно можно говорить о возникновении гербов в России лишь с последней четверти XVIII в., когда при Екатерине II начали утверждаться городские гербы, а при Павле I в 1797 г. увидел свет первый том «Общего гербовника дворянских родов Российской империи», в котором собирались дворянские гербы.

Эта точка зрения была поколеблена в самом конце XIX в. вятским статистиком П.М. Сорокиным, обратившим внимание на загадочные знаки на древнейших русских монетах³. Вскоре выяснилось, что они представляют собой знаки собственности того или иного из князей и чаще всего встречаются на печатях и пломбах. Поэтому их иногда именуют тамгой (в значении — клеймо, знак, штампель, тавро).

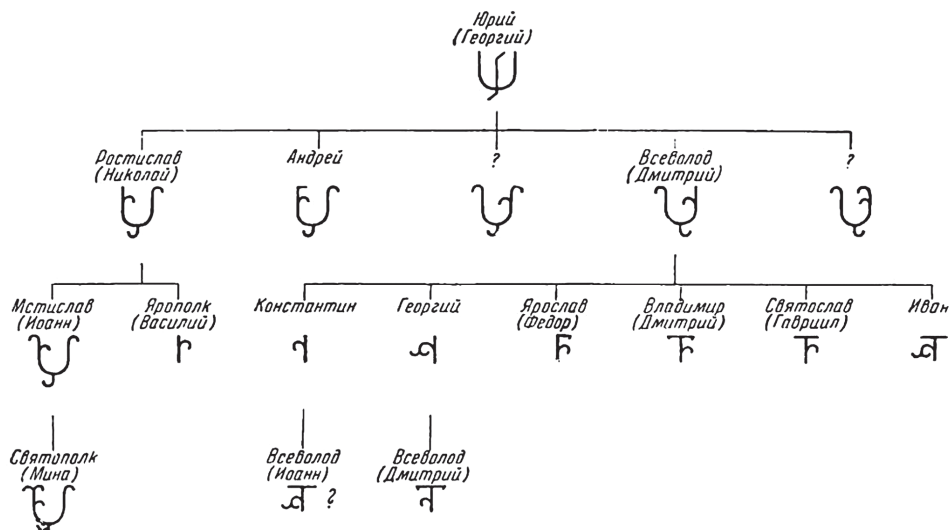

Рис. 1. Родовые знаки суздальских Рюриковичей

¹ Соболева Н.А. Государственный герб // Большая российская энциклопедия. М., 2007. Т. 7. С. 531.

² Арсеньев Ю.В. Геральдика. М., 1908. С. 100–101; Винклер П.П., фон. Герба городов, губерний, областей и посадов, внесенные в «Полное собрание законов Российской империи» за 1649–1900 гг. СПб., [1900]. С. 2; Лукомский В.К. Геральдика // Большая советская энциклопедия. 1-е изд. М., 1929. Т. 15. С. 424–425; Дунин-Борковский К.И. Герб // Энциклопедия государства и права. М., 1925. Т. 1. С. 413.

³ Орешиников А.В. Новые материалы по вопросу о загадочных фигурах на древнейших русских монетах // Археологические известия и заметки. М., 1894. Т. II. С. 301–311.

Тем не менее, сторонники прежней точки зрения не склонны были признавать родовые знаки Рюриковичей за гербы в нашем понимании этого термина, указав на существенную разницу между двумя, казалось бы, сходными терминами — гербом и родовым знаком. Особенностью родовых знаков является то, что в отличие от герба, чья форма, как правило, неизменна и для отца, и для его сыновей, родовые знаки эволюционируют путем некоторого усложнения при переходе от отца к сыну. При этом они достаточно схематичны, что можно видеть на примере современного украинского «трезубца»⁴. Главной их задачей являлось определение владельческой принадлежности того или иного предмета или животного. В отличие от них главной функцией герба изначально являлось стремление выделить себя и своих воинов из общей массы сражающихся даже в разгар битвы. Поэтому гербы изображались на щитах, знаменах и т.п. Этому способствовало и тогдашнее вооружение, поскольку доспехи воинов мало различались друг от друга. Позднее гербы появляются на печатях и документах.

Указанное обстоятельство заставило исследователей, в первую очередь археологов, еще в 1940–1950-х гг. выяснить, что русское герботворчество не начинается в последней четверти XVIII в., что называется «с чистого листа», а имеет достаточно длинную историю. При этом русские гербы прошли несколько этапов развития, начиная с княжеских знаков собственности в Древней Руси, затем печатей, и, наконец, трансформировавшись в гербы⁵.

Поясним этот тезис на примере герба Владимира — стольного города Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. Официально он был утвержден указом Екатерины II о городских гербах Владимирского наместничества от 16 августа 1781 г., в котором сказано следующее: «Город Володимир имеет старый герб: в красном поле стоящий на задних лапах лев, имеющий на голове железную корону, держит в передней правой лапе длинный серебряный крест»⁶.

В указе императрицы владимирский герб назван старым. Эта оговорка была неслучайной. Сотрудники Герольдмейстерской канцелярии, приступив к массовому созданию городских гербов, тщательно проверяли наличие прежней символики. В случае наличия подобных символов город получал «старый» герб. Таковых городов к концу XVIII в. насчитывалось около сотни.

Это ведет нас к такому виду источников, как *титulyарники*. Под этим термином подразумевают составлявшиеся в XV–XIX вв. справочники, содержавшие перечни титулов русских и иностранных монархов и использовавшиеся в качестве пособий в дипломатической переписке. Самым известным из них является «Большая государева книга

⁴ Подробнее о родовых знаках князей Северо-Восточной Руси см.: Янин В.Л. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М., 1956. Вып. 62. С. 3–16; Куза А.В. Родовой знак Всеволода III Большое Гнездо // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 97–100.

⁵ Рыбаков Б.А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. // Советская археология. М., 1940. Кн. VI. С. 227–257; Арциховский А.В. Древнерусские областные гербы // Ученые записки Московского государственного университета. 1946. Вып. 93. История. Кн. 1. С. 43–67; Уранов А.А. Русские областные и городские печати и гербы. Автореф. дис. ...к.и.н. М., 1953; Сперансов Н.Н. Земельные гербы России XII–XIX вв. М., 1974; Ражнев Г.В. Герб Смоленска. Смоленск, 1993; Вилинбахов Г.В. Всадник русского герба // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1981. Т. 21. С. 117–121; Молчанов А.А., Колызин А.М. Печать Дмитрия Донского из Новгорода // Нумизматический сборник. М., 1996. Вып. 4. С. 42–44; Лавренев В.И. Тверская геральдика конца XIV–XV вв. // Гербовед. 1996. № 9. С. 26–31.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. СПб., 1830. Т. 21. С. 218. № 15205.

или Корень российских государей», более известная как «Царский титулярник» 1672 г. Книга была составлена в Посольском приказе в нескольких роскошно изданных экземплярах, один из которых был преподнесен главой приказа боярином Артамоном Матвеевым 23 мая 1672 г. царю Алексею Михайловичу. «Титулярник» 1672 г. помимо текста содержал 30 портретов русских великих князей и царей (от Рюрика до Алексея Михайловича), 11 вселенских и московских патриархов, 22 портрета иностранных государей, современников Алексея Михайловича, а также гербы 33 русских земель, имена которых были включены в большой царский титул, и 16 гербов иностранных государств.

«Титулярник» 1672 г. стал первым по времени создания гербовником России, содержащим наиболее ранние изображения гербов (точнее — эмблем) русских земель. В нем на владимирском гербе находим изображение льва, послужившее основой для соответствующего указа Екатерины II⁷.

Идя вглубь прошлого, нетрудно заметить, что владимирский герб с течением времени менялся. Если на гербе 1781 г. лев, согласно правилам геральдики, обращен влево от зрителя, то в «Титулярнике» 1672 г. он смотрит вправо. Просмотр более ранних материалов принес новые сомнения — а лев ли изображен на них?

В 1914 г. этот вопрос поднял академик А.И. Соболевский в статье об одном церковном памятнике — медных «Лихачевских» вратах из суздальского Рождественского собора, представляющих небольшие по размеру «царские» врата, отделявшие алтарь от остальной церкви. Свое название они получили, оказавшись в коллекции Н.П. Лихачева, а ныне хранятся в Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге. На них наводкой золотом по меди изображены сцены Благовещения и четыре евангелиста, очень близкие по технике к книжной миниатюре. Это сходство усиливается тем, что медные пластины обрамлены орнаментом с растительным плетением «в состав которого входит зверь (вроде леопарда) с высоко поднятым хвостом». При этом исследователь сделал вывод: «Позволительно предполагать, что изображение этого зверя, часто напоминающего зверя так называемых сасанидских предметов, было родовым знаком суздальско-ростовских князей, начиная с Андрея Боголюбского»⁸.

Вскоре исследователи обратили внимание и на другие аналогичные изображения. Одно из них было обнаружено в городе Юрьеве-Польском, который, как считается, был заложен в 1152 г. Юрием Долгоруким «в свое имя», поскольку одновременно была возведена каменная церковь в честь св. Георгия — небесного покровителя князя. Внук Юрия, князь Святослав Всеволодович в 1230–1234 гг. разобрал обветшавшую к тому времени церковь и выстроил новую, украшенную снаружи каменными рельефами. Над порталом северного притвора, под килевидной тягой, находится рельефное изображение стоящего en face св. Георгия, давшего имя храму. На овальном с заострением щите св. Георгия, стоящем на земле и поддерживаемом левой рукой святого, изображен бегущий зверь, напоминающий изображение на «Лихачевских» вратах из Суздаля.

Еще одно подобное изображение было найдено на пергаменном Федоровском Евангелии, время создания которого определяется XIII — первой четвертью XIV в. В Ярославский музей оно поступило из Ярославского архиерейского дома, куда в свою очередь попало, видимо, из Ростова при переводе кафедры в Ярославль в конце XVIII в. Роскошь

⁷ Российский государственный архив древних актов. Ф. 135. Отд. 5. Рубр. 3. Ед. хр. 7. Л. 56. Еще два экземпляра «Титулярника» 1672 г. хранятся в Санкт-Петербурге: в Государственном Эрмитаже и Российской национальной библиотеке.

⁸ Соболевский А. [И]. Медные врата // Русская икона. СПб., 1914. Сб. 1. С. 60–61.

выполнения рукописи чисто княжеская, что позволяет видеть в ее заказчике одного из потомков Рюрика.

Евангелие имеет пять миниатюр, из которых четыре изображают евангелистов, а в самом начале помещено изображение стоящего в рост св. Федора Стратилата, так же как на барельефе собора Юрьева-Польского, левой рукой поддерживающего овальный щит, на котором изображен бегущий зверь аналогичного с предыдущим вида. Поскольку из жития св. Федора Стратилата появление на его щите бегущего зверя объяснить невозможно, А.И. Некрасов, обративший внимание на эту иллюстрацию, предположил, что в данном случае мы имеем дело с изображением герба владими́ро-суздальских князей. В 1294–1299 гг. в Ярославле княжил Федор Черный, которого сменил его сын Давид (скончался в 1321 г.). Видимо, последний и заказал в память своего отца Евангелие с изображением его небесного патрона, держащего щит с родовым гербом. По мнению А.И. Некрасова, признавшего вслед за А.И. Соболевским данные изображения родовой эмблемой владими́ро-суздальских князей, помещенного на них бегущего зверя следовало признать леопардом или барсом, но никак не львом⁹.

Рис. 2. Изображение св. Георгия на фасаде Юрьева-Польского собора

Рис. 3. Деталь щита св. Федора Стратилата из Федоровского Евангелия

⁹ Некрасов А.[И]. О гербе суздальских князей // Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского, изданный ко дню 70-летия со дня его рождения Академией наук по почину его учеников под редакцией академика В.Н. Перетца. Л., 1928. С. 406–409.

В отличие от коллег Н.П. Лихачев высказал сомнение в том, что на Руси в XII–XIII вв. могли существовать родовые знаки «в виде изображения льва или леопарда», указав, что даже в Западной Европе родовые гербы возникают сравнительно поздно¹⁰.

В 1940-е гг. к этому вопросу обратился А.В. Арциховский, позднее прославившийся как первооткрыватель новгородских берестяных грамот. Он упрекнул предшественников в том, что они напрасно употребляли слова «леопард» и «барс» в значении конкретного животного. Полагая, что на владимирском гербе изображен лев, историк считал, что термин «леопард» применительно к нему появился в результате механического перевода французских геральдических терминов. Поскольку льва можно изобразить в различных позах, во французской геральдике для позы «шествующий лев» (именно его мы видим на владимирском гербе) употреблялся термин «леопард»¹¹. При этом он опирался на мнение известного знатока геральдики А.Б. Лакиера, который писал: «Обыкновенная геральдическая поза льва есть в профиль, так что видны одно его ухо, один глаз. Он представляется стоящим на задних лапах, а передними бросающимся вправо; окровавленный язык выходит из пасти, хвост же его поднят кверху и концом упадет на спину». Другая же поза этого зверя называется леопардом: он «отличается от льва тем, что видна вся его голова с двумя глазами, что он представляется идущим, т.е. стоит на трех ногах, а четвертую заносит вперед, и что хвост его падает не на спину, а напротив, поднят кверху и откинут». Приводит он и другие промежуточные варианты: «...лев, имеющий одну из исчисленных примет, леопарду принадлежащих, называется леопардоподобным львом <...> и, наоборот, леопард, заимствовавший какие-нибудь приметы от льва, именуется львуподобным леопардом...»¹².

Ему возражал Г.К. Вагнер, доказывавший существование владими́ро-суздальского герба еще в домонгольскую эпоху. При этом эмблема князей Северо-Восточной Руси эволюционировала. Сначала возник комплекс образов, «носящих черты избранности (лев, орел, грифон, барс, кентавр и т.д.)». Затем из этого комплекса выделился барс, который был «конкретизирован образом льва, так как изображения льва и барса в древней геральдике различались только по положению фигур»¹³. Последующие авторы мало что добавили, склоняясь то ко льву¹⁴, то к барсу¹⁵. При этом дискуссия возникла и по поводу времени возникновения владимирского герба. Так, Н.Н. Воронин, проследив наличие рельефных изображений барсов на Дмитриевском и Успенском соборах во Владимире и других храмах Владимиро-Суздальской земли, и усматривая в них «символы Владимирской державы и ее воинской силы», признавал существование подобных эмблем уже в эпоху средневековья. В отличие от него Г.И. Королев настаивал на очень позднем происхождении владимирского герба, полагая, что образцом для него в «Титулярнике» 1672 г. послужил герб Нидерландов в виде коронованного льва с мечом и пучком стрел. На Руси их заменили длинным крестом¹⁶.

¹⁰ Лихачев Н.П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Л., [1929]. Вып. 2. С. 269.

¹¹ Арциховский А.В. Древнерусские областные гербы. С. 53–55.

¹² Лакиер А.Б. Русская геральдика. М., 1990. С. 39.

¹³ Вагнер Г.К. К вопросу о владими́ро-суздальской эмблеме // Историко-археологический сборник. А.В. Арциховскому к 60-летию со дня рождения и 35-летию научной, педагогической и общественной деятельности. [М., 1962]. С. 254–264.

¹⁴ Сперансов Н.Н. Земельные гербы России XII–XIX вв. С. 6, 24; Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 15.

¹⁵ Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М., 1961. Т. I. С. 296.

¹⁶ Королев Г.И. К вопросу о происхождении владимирского герба // Гербовед. 2007. № 3 (95). С. 60–67. Здесь же обзор предшествующей литературы.

Рис. 4. Страница из Титулярника 1672 г. с изображением Владимирского герба

Подобные разногласия объясняются тем, что в распоряжении исследователей нет промежуточных материалов, с помощью которых можно было бы проследить эволюцию подобных эмблем от украшений храмов домонгольской эпохи к владимирскому гербу «Титулярника» 1672 г. Делались попытки отыскать знак владимирских великих князей на средневековых монетах и печатах, но они оказались не слишком убедительными¹⁷.

Нужно сказать, что сомнения историков — кто изображен на владимирском гербе? — зародились не на пустом месте. Первыми забеспокоились по этому поводу еще в середине XIX в. специалисты по геральдике. Одним из них был барон Б.В. Кёне. Желая как-то упорядочить герботворчество в стране, в 1857 г. он составил правила украшений гербов губерний, областей, градоначальств, городов и посадов, которые в том же году были утверждены императором Александром II, а сам Кёне стал начальником Гербового отделения Департамента герольдии. В январе 1859 г. им был разработан проект

нового герба Владимира: «В червленом поле золотой леопард в железной, украшенной золотом и цветными камнями, короне, держащий в правой лапе длинный серебряный крест». Но правительству к тому времени было не до гербов — близилась крестьянская реформа 1861 г. и официального утверждения герба так и не последовало.

Разногласия по поводу того — кто же изображен на владимирском гербе — продолжают до сих пор. Уже в наше время — в 1992 г. решением Малого совета горсовета Владимира был утвержден следующий герб: «В красном поле стоящий на задних лапах лев, имеющий на голове железную корону, держит в передней лапе длинный серебряный крест». В то же время владимирский областной закон 1999 г. гласит: «Герб Владимирской области представляет собой изображение золотого львиного леопарда в железной, украшенной золотом и цветными камнями короне, держащего в правой лапе длинный серебряный крест в червленом поле. Щит увенчан короной и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевской лентой». Подобные разногласия двух владимирских законов (городского и областного) объясняются весьма просто. Городские депутаты просто повторили указ Екатерины II от 10 августа 1781 г., где основной фигурой герба назван лев, а областные — указ Александра II от 8 декабря 1856 г., упоминающий львиного леопарда.

При этом разногласия во владимирской геральдике не самые существенные. Еще более показательный пример неточности имеем в случае с гербом Иркутска. На нем издавна

¹⁷ Федоров Г.Б. Деньги Московского княжества времен Дмитрия Донского и Василия I (1359–1425) // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1949. Вып. 19. С. 168–169; Белецкий С.В. Вечевые печати Пскова. СПб., 1994. С. 16, 28.

изображался амурский тигр, который в Южной Сибири именовался «бабром». При официальном утверждении иркутского герба художники Герольдии сочли, что имеют дело с опечаткой в его описании, и нарисовали на гербе более известного им бобра. Это недо-разумение нашло отражение даже в известном словаре Даля — в статьях «бабр» и «тигр»¹⁸.

Определенный прорыв в решении вопроса о владимирском гербе наметился в 2006 г. с появлением статьи А.Н. Вершинского. Он обратил внимание на то, что большинство специалистов, говоря о средневековой эмблеме владимирских князей, указывали, что на ней изображен барс. Между тем, барс издавна является гербом Осетии-Алании. Каким же образом осетинский барс попал в Северо-Восточную Русь? Исследователь высказал догадку, что это могло произойти только в результате брака владимирского великого князя Всеволода Большое Гнездо с его первой супругой Марией¹⁹. Она «была родом ясыня»²⁰. Так в Древней Руси в целом называли аланов — предков современных осетин. В определенной мере это подтверждалось отмеченным еще А.И. Соболевским сходством изображений «бегущего зверя» Владимиро-Суздальского княжества с предметами эпохи Сасанидов, оказавшей значительное влияние на формирование аланской культуры.

Правда, подобному предположению вроде бы противоречил отмеченный в литературе факт, что данная эмблема встречается на памятниках, возведенных еще при отце Всеволода Большое Гнездо — Юрии Долгоруком и его старшем брате — Андрее Боголюбском, а, следовательно, не может быть связана с позднейшим по времени браком Всеволода на Марии.

Посмотрим, к какому времени относятся указанные памятники. Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, где имеется наиболее четкое изображение владимиро-суздальской эмблемы, был действительно построен Юрием Долгоруким, но в 1230 г. он был разрушен его внуком и сыном Марии — удельным юрьев-польским князем Святославом Всеволодовичем: «Святослав князь в Юрьеве руши церковь святого Юрия каменую, тако же бе обветшала и поломалася, юже бе создал дед его Юрги Володимеричь и святил великим священнем». Спустя четыре года строительство было завершено: «Благоверный князь Святослав Всеволодичь сверши церковь в Юрьеве святого мученика Георгия и украси ю»²¹. Тверская летопись добавляет любопытную подробность: Святослав Всеволодович «самь бе мастеръ», то есть выступал в качестве архитектора и руководил строительством, в ходе которого создал церковь «чудну, резанымь камением»²². Вполне понятно желание зодчего, которым был сам князь, увековечить на храме свою родовую эмблему, доставшуюся ему от матери²³.

Суздальский Рождественский собор, из которого происходят царские «Лихачевские» врата, первоначально был возведен из плинфы в начале XII в. при Владимире Мономахе. Но уже в 1222 г. сыном Марии — Юрием Всеволодовичем на этом месте было начато строительство нового храма, о чем сообщает Лаврентьевская летопись: «Великий

¹⁸ *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. I. А–З. С. 35; М., 1955. Т. 4. Р-У. С. 405. Подробнее: *Королев Г.И.* Бабр и бобр (к истории иркутского герба) // *Геральдика*. 2005. № 7 (85). С. 97–106.

¹⁹ *Вершинский А.[Н].* «Лютый зверь» на страже государства // *Техника — молодежи*. 2006. № 3. С. 52–57.

²⁰ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1991. Т. II–III. С. 429–430.

²¹ Полное собрание русских летописей. Т. I. Стб. 455, 460 (Далее — ПСРЛ).

²² ПСРЛ. Т. XV. Стб. 355 (второй пагинации).

²³ Подробнее о храме: *Заграевский С.В.* Вопросы архитектурной истории и реконструкции Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. М., 2008.

князь Гюрги заложил церковь каменную святыя Богородица в Суждали, на первом месте, заздрушив старое зданье, понеже учала бе рушиться старостью и верх ея впал бе; та бо церкви создана прадедом его Володимиром Мономахом и блаженным епископом Ефремом». Спустя три года собор был освящен²⁴. Здание храма простояло до XV в., когда было вновь реконструировано²⁵. Видимо, именно к этому периоду существования собора и относятся царские врата.

Что касается Успенского собора во Владимире, то он, действительно, был построен в середине XII в. при Андрее Боголюбском. Однако храм сильно пострадал во время пожара во Владимире в 1193 г. и годом позже был восстановлен Всеволодом Большое Гнездо. По этому поводу Лаврентьевская летопись сообщает: «Того же лета месяца августа обновлена бысть церковь святыя Богородицы Володимери яже бе ополела в великий пожарь блаженным епископомъ Иваном и при благовернемъ и христоробивемъ князи Всеволоде Юргевичи и бысть опять аки нова и бысть радость велика в граде Володимери»²⁶. При этом Всеволод значительно расширил собор. К прежнему храму были пристроены боковые галереи, и он оказался как бы внутри нового большого собора. Понятно, что внешние украшения храма, среди которых встречается и изображение барса, принадлежат уже к эпохе Всеволода Большое Гнездо, как и Дмитриевский собор во Владимире.

Все это дает основания полагать, что барс стал гербом владими́ро-суздальских князей именно в последней четверти XII в., будучи заимствован ими из Осетии-Алании благодаря браку Марии с Всеволодом Большое Гнездо.

Как видим, еще за три столетия до Софьи Палеолог на Руси появился первый известный нам герб, ставший родовой эмблемой владими́ро-суздальских князей.

Список литературы

Арциховский А.В. Древнерусские областные гербы // Ученые записки Московского государственного университета. 1946. Вып. 93. История. Кн. 1. С. 43–67.

Белецкий С.В. Вечевые печати Пскова. СПб.: [Б. и.], 1994. 116 с.

Вагнер Г.К. К вопросу о владими́ро-суздальской эмблеме // Историко-археологический сборник. А.В. Арциховскому к 60-летию со дня рождения и 35-летию научной, педагогической и общественной деятельности. М.: [Б. и.], 1962. С. 254–264.

Вершинский А.[Н]. «Лютый зверь» на страже государства // Техника-молодежи. 2006. № 3. С. 52–57.

Вилинбахов Г.В. Всадник русского герба // Труды Государственного Эрмитажа. Л.: [Б. и.], 1981. Т. 21. С. 117–121.

Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т. I. 583 с.

Заграевский С.В. Вопросы архитектурной истории и реконструкции Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. М.: Алев-В, 2008. 33 с.

Заграевский С.В. Вопросы реконструкции первоначального вида Суздальского собора Рождества Богородицы начала XIII в. // На пороге тысячелетия. Суздаль в истории

²⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 445, 447.

²⁵ Заграевский С.В. Вопросы реконструкции первоначального вида Суздальского собора Рождества Богородицы начала XIII в. // На пороге тысячелетия. Суздаль в истории и культуре России. К 990-летию первого упоминания Суздаля в древнерусских летописях. Материалы научно-практической конференции (7 августа 2014 г.). Владимир, 2015. С. 75–84.

²⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 411.

и культуре России. К 990-летию первого упоминания Суздаля в древнерусских летописях. Материалы научно-практической конференции (7 августа 2014 г.). Владимир: Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2015. С. 75–84.

Королев Г.И. Бабр и бобр (к истории иркутского герба) // Гербовед. 2005. № 7 (85). С. 97–106.

Королев Г.И. К вопросу о происхождении владимирского герба // Гербовед. 2007. № 3 (95). С. 60–67.

Куза А.В. Родовой знак Всеволода III Большое Гнездо // Культура Древней Руси. М.: Наука, 1966. С. 97–100.

Лавренев В.И. Тверская геральдика конца XIV–XV вв. // Гербовед. 1996. № 9. С. 26–31.

Молчанов А.А., Колызин А.М. Печать Дмитрия Донского из Новгорода // Нумизматический сборник. М.: [Б. и.], 1996. Вып. 4. С. 42–44.

Ражнев Г.В. Герб Смоленска. Смоленск: журн. «Край Смоленский», 1993. 239 с.

Рыбаков Б.А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X–XII вв. // Советская археология. 1940. Кн. VI. С. 227–257.

Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М.: Наука, 1981. 263 с.

Сперансов Н.Н. Земельные гербы России XII–XIX вв. М.: Советская Россия, 1974. 198 с.

Уранов А.А. Русские областные и городские печати и гербы в период образования и укрепления Русского централизованного многонационального государства (XV–XVII вв.). Автореф. дис. ...к.и.н. М., 1953. 16 с.

Федоров Г.Б. Деньги Московского княжества времен Дмитрия Донского и Василия I (1359–1425) // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. Вып. 12. С. 148–185.

Янин В.Л. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. Вып. 62. С. 3–16.

References

Artsikhovskij, A.V. Drevnerusskie oblastnye gerby [Old Russian regional emblems], in *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1946. Vol. 93. History. Pt. 1. P. 43–67. (In Rus.).

Beletskij, S.V. *Vechevye pečhati Pskova* [Veche seals of Pskov]. Saint-Petersburg: [without name of publisher], 1994. 116 p. (In Rus.).

Fedorov, G.B. Den'gi Moskovskogo knyazhestva vremeni Dmitriya Donskogo i Vasiliya I (1359–1425) [Money of the Moscow principality of the times of Dmitry Donskoy and Vasily I (1359–1425)], in *Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Press, 1949. Vol. 12. P. 148–185. (In Rus.).

Korolev, G.I. Babr i bобр (k istorii irkutskogo gerba) [Babr and beaver (to the history of the Irkutsk coat of arms)], in *Gerboved*. 2005. Vol. 7 (85). P. 97–106. (In Rus.).

Korolev, G.I. K voprosu o proiskhozhdenii vladimirskogo gerba [On the question of the origin of the Vladimir coat of arms], in *Gerboved*. 2007. Vol. 3 (95). P. 60–67. (In Rus.).

Kuza, A.V. Rodovoj znak Vsevoloda III Bol'shoe Gnezdo [Ancestral sign of Vsevolod III the Big Nest], in *Kul'tura Drevnej Rusi*. Moscow: Nauka Press, 1966. P. 97–100. (In Rus.).

Lavrenyov, V.I. Tverskaya geraldika konca XIV–XV vv. [Tver heraldry of the late 14th–15th centuries], in *Gerboved*. 1996. Vol. 9. P. 26–31. (In Rus.).

Molchanov, A.A., Kolyzin, A.M. Pechat' Dmitriya Donskogo iz Novgoroda [Seal of Dmitry Donskoy from Novgorod], in *Numizmaticheskij sbornik*. Moscow: [without name of publisher], 1996. Vol. 4. P. 42–44. (In Rus.).

Razhnev, G.V. *Gerb Smolenska* [Coat of arms of Smolensk]. Smolensk: zhurn. «Kraj Smolenskij» Press, 1993. 239 p. (In Rus.).

Rybakov, B.A. Znaki sobstvennosti v knyazheskom hozyajstve Kievskoj Rusi X–XII vv. [Property signs in the princely economy of Kievan Rus 10th–12th centuries], in *Sovetskaya arheologiya*. 1940. Vol. VI. P. 227–257. (In Rus.).

Soboleva, N.A. *Rossiyskaya gorodskaya i oblastnaya geraldika XVIII–XIX vv.* [Russian city and regional heraldry of the 18th–19th centuries]. Moscow: Nauka Press, 1981. 263 p. (In Rus.).

Speransov, N.N. *Zemel'nye gerby Rossii XII–XIX vv.* [Land coats of arms of Russia 12th–19th centuries]. Moscow: Sovetskaya Rossiya Press, 1974. 198 p. (In Rus.).

Uranosov, A.A. *Russkie oblastnye i gorodskie pečati i gerby v period obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo centralizovannogo mnogonacional'nogo gosudarstva (XV–XVII vv.)*. Avtoref. dis. ...k.i.n. [Russian regional and city seals and coats of arms during the formation and strengthening of the Russian centralized multinational state (15th–17th centuries). Abstract of Ph.D. thesis] Moscow, 1953. 16 p. (In Rus.).

Vagner, G.K. K voprosu o vladimiro-suzdal'skoj embleme [On the question of the Vladimir-Suzdal emblem], in *Istoriko-arheologicheskij sbornik. A.V. Arcihovskomu k 60-letiyu so dnya rozhdeniya i 35-letiyu nauchnoj, pedagogicheskoy i obshchestvennoj deyatel'nosti*. Moscow: [without name of publisher], 1962. P. 254–264. (In Rus.).

Vershinskij, A.[N]. «Lyutyj zvero'» na strazhe gosudarstva [“Fierce beast” on guard of the state], in *Tekhnika—molodezhi*. 2006. Vol. 3. P. 52–57. (In Rus.).

Vilinhov, G.V. Vsadnik russkogo gerba [Horseman of the Russian coat of arms], in *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*. Leningrad: [without name of publisher], 1981. Vol. 21. P. 117–121. (In Rus.).

Voronin, N.N. *Zodchestvo Severo-Vostochnoj Rusi XII–XV vv.* [The architecture of North-Eastern Russia 13th–15th centuries]. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR Press, 1961. Vol. I. 583 p. (In Rus.).

Yanin, V.L. Knyazheskie znaki suzdal'skih Ryurikovichej [Princely signs of Suzdal Rurikovich], in *Kratkie soobshcheniya o dokladah i polevyh issledovaniyah Instituta istorii material'noj kul'tury*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Press, 1956. Vol. 62. P. 3–16. (In Rus.).

Zagraevskij, S.V. *Voprosy arhitekturnoj istorii i rekonstrukcii Georgievskogo sobora v YUr'eve-Pol'skom* [Questions of architectural history and reconstruction of St. George's Cathedral in Yuryev-Polsky]. Moscow: Alev-V Press, 2008. 33 p. (In Rus.).

Zagraevskij, S.V. Voprosy rekonstrukcii pervonachal'nogo vida Suzdal'skogo sobora Rozhdestva Bogorodicy nachala XIII v. [Reconstruction of the original view of the Suzdal Cathedral of the Nativity of the Virgin of the early 13th century], in *Na poroge tysyacheletiya. Suzdal' v istorii i kul'ture Rossii. K 990-letiyu pervogo upominaniya Suzdalya v drevnerusskih letopisyah. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii (7 avgusta 2014 g.)*. Vladimir: Vladimiro-Suzdal'skij muzej-zapovednik Press, 2015. P. 75–84. (In Rus.).